

ГЛАВА 5. ОБРУЧЕНИЕ И ГОРЕЧЬ ПОТЕРИ

Те Сюань покинул родную деревню, где прожил двадцать лет. Говорят, небеса благоволят простодушным — и в его случае это было чистой правдой.

Накануне, пока Те Гоу принимал мученическую смерть, юноша, преодолевая гнев и отчаяние, изучал послание, оставленное Мастером Те. Письмо было предельно кратким: лишь название места, где следовало искать помощи, имя человека и описание тайного лаза, через который можно было выбраться наружу после того, как Каменный затвор отрежет путь в кузницу. К письму прилагался свиток с подробным описаниемковки Семицветного клинка. Бегло просмотрев его, Те Сюань с удивлением обнаружил, что секреты мастерства уже давно осели в его памяти. Мастер Те, обучая его повседневному ремеслу, капля за каплей передавал ученику уникальную технику, сам того не афишируя.

Те Сюань не планировал уходить так скоро. Мастер велел дожидаться, пока убийцы покинут округу, а парень привык беспрекословно подчиняться наставнику. Но в этот раз горечь утраты и жажда мести оказались сильнее осторожности. Сложив в мешок семицветные стальные блоки, скудные запасы еды и оставшиеся деньги, он покинул убежище, едва дочитав письмо.

Грохот взрывов и облавы миновали его стороной.

Однако удача, позволившая Те Сюаню спастись из западни, вовсе не гарантировала легкого пути. Его бегство не осталось незамеченным. Цинь Вань, обнаружив пропажу одного из жителей кузницы, сразу почуял неладное. По его приказу адепты Учения Тай-и наводнили окрестности, подкупив чиновников и развесив на каждой заставе указы о поимке.

Когда Те Сюань добрался до пограничного заслона, путь ему преградили стражники. К счастью, никто не знал его в лицо: в указах говорилось о «свирепом преступнике», но не было ни единого портрета. Юноша и не подозревал, что разыскивают именно его, и это неведение стало его лучшей защитой.

Пока он в растерянности топтался у заставы, удача снова свела его с людьми — на этот раз с первой группой преследователей, высланных Цинь Ванем.

Те Сюань с детства не видел ничего, кроме кузнечного горна. Глядя на то, как редет толпа у дорожного поста, он сгорал от беспокойства, не зная, как поступить. На этой заставе, стоявшей на отшибе Срединных равнин, в основном толпились случайные прохожие и нищие бродяги. Доброе сердце Те Сюаня не выдержало вида голодных стариков; незаметно для самого себя он раздал почти все серебро, что оставил ему мастер. Позже кто-то из толпы, заметив его нерешительность, шепнул, что нужно бы подмаслить караульных, иначе пропуска не видать.

Советчиком оказался бродячий торговец, путешествовавший с женой и дочерью. Заметив рослого парня с перебинтованной рукой и в грязной одежде, он не увидел в нем разбойника — лишь честного малого, попавшего в беду. Благородная осанка и открытый взгляд Те Сюаня пришлились торговцу по душе.

Кузнец был искренне благодарен за совет, но серебра почти не осталось — на взятку жадным стражникам вряд ли хватило бы. Он снова помрачнел.

Торговец, видя его стеснение, смекнул, что парень на мели. В голове его созрел план: а не присмотреться ли к молодцу как к будущему зятю? Он велел Те Сюаню переодеться в чистое и держаться их семьи, чтобы пройти заставу под видом родственника.

Связь властей с Учением Тай-и была делом решенным, но у рядовых солдат на местах были свои законы: на приказы сверху они смотрели сквозь пальцы, если в кармане приятно звенела монета.

Лити — плата за проход — взималась строго. Стражники, прищурившись, пересчитывали медяки, скользя липкими взглядами по путникам. Торговец, исходатайствовавший сотни дорог, привычно согнулся в поклоне, ловко вложив в ладонь караульного еще несколько монет. Тот, польщенный подобострашием, махнул рукой, разрешая проходить.

Узкий проход между острыми кольями забора позволял идти лишь по одному. Торговец возглавил процессию, за ним последовала жена, в середине шла дочь, а Те Сюань замыкал строй.

Беда пришла оттуда, откуда не ждали. Дочь торговца, Чжэньчжэнь, из-за кочевой жизни не знала неженского затворничества и бинтования ног. В ее облике сквозила девичья стать и смелость, присущая дочерям воинов. Лицо ее было миловидным, а фигура — ладной. Когда она проходила мимо стражников, один из них, оскалившись, преградил ей путь, заявив, что требуется личный досмотр. Он потянулся к девушке грязными руками.

Подобное на дорогах случалось сплошь и рядом, и простые люди обычно терпели, не смея поднять глаз. Солдаты, хоть и кормились от казны, жили впроголодь, а потому не упускали случая потешить свою похоть за счет беззащитных.

Но сегодня за спиной торговца стоял Те Сюань. Не привыкший к такой подлости, он тут же выступил вперед, преградив путь стражнику. Слово за слово, началась потасовка.

Солдаты, привыкшие к безнаказанности, рассвирепели. Главарь выхватил саблю:

— Взять его! Это тот самый каторжник, которого ищет управа!

Торговец побледнел, понимая, что дело принимает скверный оборот. Он бросился к солдатам, сунув им последние гроши и умоляя о пощаде. Несмотря на то, что они знали Те Сюаня всего ничего, в их глазах он уже стал частью семьи.

Однако взявший деньги стражник, видя непокорный взгляд парня, лишь еще больше разозлился. Он грубо оттолкнул старика и скомандовал своим окружить кузнеца.

Шум привлек внимание стражей в черном — людей Цинь Ваня, которые по пятам следовали за беглецом. Увидев суматоху у заставы, они ринулись в гущу событий.

Торговец окончательно растерялся: со всех сторон бежали люди, и он не знал, стоит ли бросаться наутек или оставаться на месте. Те Сюань, хоть и не знал о своей «официальной» поимке, понимал — это люди из разрушенной деревни. Страх сковал его сердце.

Солдаты думали, что легко скрутят парня, но Те Сюань, расставив ноги, замер в устойчивой стойке. Несколькими мощными, хоть и неумелыми ударами он отбросил наседавших.

Сила кузнеца была огромна, но была и иная причина. С детства он, сам того не осознавая, практиковал технику внутренней энергии — Мастер Те велел ему повторять странные упражнения каждое утро, говоря лишь, что это поможет не уставать у наковальни.

Продажные солдаты, не обремененные тренировками, разлетались от его ударов, теряя остатки спеси.

В этот момент к заставе подоспели люди Тай-и. Увидев среди толпы рослого юношу, стоявшего непоколебимо, словно скала, они сразу признали в нем цель. Главарь черных стражей взмахнул рукой, отдавая приказ на захват.

Но везение Те Сюаня в тот день не знало границ.

Преследователи рвались вперед, желая выслужиться перед молодым господином Цинем, но наткнулись на сопротивление... караульных. Обычные солдаты не знали, кто эти люди в черном. В общей неразберихе торговец вдруг сообразил и закричал во весь голос, указывая на адептов Тай-и:

— Братушки-солдаты, глядите! Эти бандиты нападают на государевых людей! Помогите!

Это стало последней каплей. Солдаты, и так взвинченные дракой, решили, что черные стражи — это сообщники парня, пришедшие отбить своего. Главарь заставы дунул в свисток, и из караулок высыпала подмога. Началась свалка между служивыми и сектантами.

Те Сюань, понимая, что медлить нельзя, бросился вслед за торговцем к выходу. Дядюшка Мо и его семья, привыкшие к дорожным передрягам, действовали четко: они пробивались сквозь хаос, по пути подставляя подножки и толкая зазевавшихся, лишь бы усилить неразбериху.

Когда они наконец прорвались через заслон и отбежали на приличное расстояние, силы оставили их. Все четверо повалились у дороги, жадно хватая ртом воздух.

Торговец потерял все свои товары, но сейчас это его мало заботило. Прислонившись к стволу старого дерева, он пытался унять дрожь в руках. Его жена и дочь, бледные от страха, жались к

нему.

Те Сюань, придя в себя, с горечью произнес:

— Дядюшка Мо, простите меня... Всё из-за меня. Я подставил вас под удар.

Торговец через силу улыбнулся:

— Не кори себя, Сюань. На дорогах всякое бывает. Главное — жизни сберегли.

— Вы спасли меня, дядюшка. Если я когда-нибудь выберусь из этой беды, я отплачу вам сторицей! — юноша сжал кулаки, глядя на пустые руки старика.

Дядюшка Мо махнул рукой:

— Те Сюань, я одной ногой в могиле, не надо мне твоих обещаний. Прошу лишь об одном...

— О чем угодно, дядюшка! Говорите!

Старик посмотрел на него с возрастающей теплотой. Подтянув к себе Чжэньчжэнь, он поднял глаза на парня:

— У меня только одна дочь. Она, может, и не первая красавица в Поднебесье, зато нрав у нее золотой. Из-за вечных странствий она так и не вышла замуж... время уходит.

Те Сюань замер, словно пораженный молнией. Прошло немало времени, прежде чем он смог вымолвить:

— Дядюшка Мо... это... это невозможно.

Старик нахмурился:

— Что? Неужто брезгуешь семьей простого торговца?

Те Сюань горько усмехнулся:

— Как я могу... Просто на мне — кровная месть и погоня. Я погублю вас, если свяжетесь со мной.

Дядюшка Мо смягчился. Он привлек к себе дочь, которая от стыда не знала, куда деть руки.

— Я не тиран, парень. Скажи честно: нравится тебе Чжэньчжэнь?

Девушка покраснела до корней волос и уткнулась лицом в плечо отца.

Те Сюань посмотрел на нее, не зная, что ответить. Вся его жизнь прошла между молотом и наковальней; он не смыслил в нежных чувствах. Мастер когда-то пытался сосватать ему деревенских девчат, но те лишь обижались на его неотесанность.

— Ну, что молчишь? — в голосе старика послышалась непонятная тревога.

Кузнец размышлял: дядюшка Мо спас ему жизнь. Мастер Те всегда говорил, что за каплю добра платят океаном преданности. Если сейчас этот человек просит его стать зятем — он станет им, даже если это будет стоить ему головы.

— Дядюшка, ваша семья — мои благодетели. Как скажете, так и будет.

Торговец облегченно выдохнул:

— Вот и славно... вот и хорошо...

Он вложил ладонь дочери в руку Те Сюаня. Тот, ведомый внезапным наитием, накрыл ее своей ладонью. Старик трижды коротко рассмеялся, и вдруг смех его оборвался.

— Дядюшка!

— Отец! — вскрикнула Чжэньчжэнь.

Женщина, до этого стоявшая молча, подошла и подхватила оседающее тело мужа. Лицо ее было пугающе спокойным.

— Чжэньчжэнь, Сюань... Старик получил стрелу в спину. Прямо в сердце... Но он успел увидеть ваше обручение. Теперь он может уйти с миром.

— Отец... — Чжэньчжэнь припала к телу, заливаясь слезами. Те Сюань ошарашенно смотрел на древко стрелы, которое женщина рывком выдернула из раны. Алая кровь, словно слезы самой земли, капала на сухую пыль, рисуя жуткие узоры.

— Сюань, береги ее... — Голос женщины был тверд, что лишь сильнее напугало парня. Он молча кивнул.

Положив мужа на траву, женщина вдруг резко рванулась к дереву и с размаху ударилась головой о ствол. Удар был такой силы, что Те Сюань и Чжэньчжэнь не успели даже вскрикнуть. Лоб женщины превратился в кровавое месиво.

— Мама! Мама! — Чжэньчжэнь зашлась в истошном крике, теряя в одно мгновение обоих родителей.

Мать уже не могла говорить. Она лишь с трудом приоткрыла глаза и дрожащей рукой указала на мужа.

— Тётушка Мо, клянусь... — Те Сюань сглотнул ком в горле. — Я похороню вас вместе.

Женщина бросила последний взгляд на дочь, хотела коснуться ее щеки, но рука безвольно упала.

Горький плач сотряс воздух. Небо, словно откликаясь на человеческое горе, отозвалось раскатом грома, и хлынул ливень, пытаясь смыть кровь и грехи этого мира.

Под дождем Те Сюань нашел ровное место вдали от дороги и голыми руками, помогая себе обломком дерева, вырыл глубокую яму. У него не было даже циновок, чтобы обернуть тела, и он укрыл лица погибших своей одеждой.

Чжэньчжэнь сидела рядом, словно тень, потеряв рассудок от горя.

Когда Те Сюань начал бросать землю в могилу, она вдруг вскочила и прыгнула в яму, припадая к телам родителей.

— Чжэньчжэнь! — Те Сюань прыгнул следом, пытаясь поднять ее.

— Отец, мама... дочь ваша негодная... — она рыдала, вцепившись в холодные руки. — При жизни не успела почтить вас, а после смерти даже савана не дала... Простите меня...

Сердце Те Сюаня сжалось от невыносимой боли. Если бы не он, эта семья, пусть и в бедности, была бы жива. Если бы не он... Тени прошлого — Мастер Те и жертвоприношение клинку — слились в его сознании с криком Чжэньчжэнь. Он обнял девушку, неумело глядя ее по спине:

— Чжэньчжэнь, дядюшка не хотел бы видеть тебя такой. Дай им уйти спокойно. Теперь ты не одна. Я буду беречь тебя.

Девушка постепенно затихла, лишь плечи ее продолжали вздрагивать.

Дождь обжигал холодом, но грудь Те Сюаня горела от ее горячих слез.

Спустя долгое время Чжэньчжэнь подняла лицо — заплаканное, полное страха и робкой надежды:

— Брат Те... у меня только ты остался. Ты ведь не бросишь меня?

Этот взгляд, полный безраздельного доверия, лег на плечи кузнеца тяжким грузом ответственности. Он медленно, веско кивнул:

— Не бойся. Клянусь перед могилой твоих родителей: мы не расстанемся.

Мо Чжэньчжэнь вытерла глаза и высвободилась из его объятий:

— Брат Те, куда мы теперь?

Те Сюань вспомнил письмо мастера. Смахнув с лица то ли капли дождя, то ли слезы, он глухо ответил:

— В Янчжоу. Мы идем в Янчжоу.

<http://bllate.org/book/17419/1649739>